

3rd International Conference
«Research, Innovation and Education» 2016

Yarygin S.A., Shaimerdinova N.G., Alpysbes M.

ELEMENTS OF THE ARISTOCRATIC FASHION IN CENTRAL AND INNER ASIA IN THE V-VI CENTURIES

Yarygin S.A., Shaimerdinova N.G., Alpysbes M.,
Kazakhstan, L.N. Gumilyov Eurasian National University

Abstract

The article discusses the elements of aristocratic fashion spread in V-VI centuries on the territory of Central and Inner Asia. The object of investigation chosen ornate daggers in scabbards trapezoidal. Based on the analysis of archaeological materials, the author concludes that the source of cultural influence was on the territory of Sogd and fashion trends were due to political influence Ephtalite state.

Keywords: aristocracy, mode, polychrome style, power

Введение.

В эпоху поздней античности и средневековья на территориях включающих современную Европу, Центральную и Внутреннюю Азию, Средний Восток в среде интернациональных элит сформировались некоторые специфические тренды моды в женском и мужском убранстве, воинском снаряжении. Элиты в силу своей повышенной мобильности распространяли и транслировали те или иные элементы моды на разные, иногда значительно удаленные друг от друга территории и в среде разных по происхождению и языку народов [1, с. 27].

Достаточно наглядно это видно при обращении к материалам эпохи Великого переселения народов римского и постримского культурного континуума. Частые перемещения совершенно разных по этнолингвистической характеристике военизированных группировок, формирование раннегосударственных политических структур гуннов, готов, вандалов, франков, ругов и др. интенсифицировали культурные контакты между королевскими домами, а так же Империей [2-

**3rd International Conference
«Research, Innovation and Education» 2016**

3]. Исторические хроники пестрят подобными эпизодами. Известны история правителя франков Хильдерика и его приключений у тюрингов [4, Вторая книга, 12], переход скандинавского короля Родульфа ко двору Теодориха Великого [5, с. 65]. Биографии таких персонажей как Аэций, Стилихон, Аларих, Орест, Эдик, Одоакр служат подтверждением высокой мобильности варварской или варваризированной элиты Великого переселения народов. Брачные, дипломатические, военные и пр. контакты естественно сопровождалась перемещением предметов материальной культуры обладающих высоким социальным статусом [1, с. 26-34]. В это время получает широкое распространение мода на украшения выполненные в полихромном стиле, представляющем собой сочетание драгоценного или полудрагоценного металла с вставками, инкрустацией цветными камнями (гранат/альмандин/пироп, рубин, сердолик и др.) или окрашенным стеклом, часто с декором в виде зерни [3, с. 340-345]. Подобные украшения, маркирующие высокий статус владельца, обнаружены при исследовании памятников гуннов, германцев, аланов и прочих участников миграционных процессов [6; 7, с. 5-11, 68-75; 8, с. 320-323, 340-364]. Однако ареал распространения изделий в полихромном стиле в V-VI вв. шире собственно европейских культурных границ и достигал Центральной Азии и Дальнего Востока [9, с. 91-100; 10, с.114-115]. Естественно предположить, что данные находки характеризует историко-культурные и социальные явления близкие по содержанию происходившим на западе.

Материалы и методы исследования.

Интерес для исследования представляют находки сделанные в разных точках азиатской части Великого шелкового пути – в Северном Казахстане, Средней Азии и на Корейском полуострове. В первом и последнем регионах обнаружены близкие по типу клинки в богато украшенных трапециевидных, расширяющихся к низу ножнах, богато украшенные в полихромном стиле. Сегодня известны только два материальных свидетельства существования предметов подобного типа, в Средней Азии известны изображения подобных предметов на фресках и росписях стен.

Первая находка была сделана при каменоломных работах в 1928 году в 6,4 км на север от г. Щучинска и 2,1 км от современного Аграрного колледжа, на территории урочища Бармашное (совр. Щучинский р-н, Акмолинской обл., Республика Казахстан) [11, с. 216-229; 13, с.12-13]. По сведениям заместителя директора петропавловского музея Б.И.

**3rd International Conference
«Research, Innovation and Education» 2016**

Орехова, погребение было расхищено при обнаружении, часть предметов, прибывшим научным сотрудникам все-таки удалось вернуть, однако само погребение описано со слов камчеломов [12, с.12-13]. Основная часть коллекции была передана для изучения в Музей этнографии и антропологии в Ленинград – эта часть находок и была описана А.Н. Берштамом [11, с. 216-229]. Погребальная конструкция состояла из грунтовой могильной ямы перекрытой тремя каменными плитами. Верхняя плита имела длину 4,5 м, ширину 1,5 м, толщину 0,7 м. Две нижние толщиной до 0,12 м. Под плитами на песчаном грунте лежал бронзовый котел [13, с. 184-185; 14, 441-446], ниже его обнаружен костяк плохой сохранности. Погребальный инвентарь был представлен железным кинжалом, железными наконечниками стрел (6 шт.), железными конскими удилами, разного размера бусами из пасты и сердолика, прямоугольнорамчатой пряжкой и значительным количеством изделий из серебра, золота и драгоценных камней (золотая фольга, бляшки в полихромном стиле) [11, с. 216-229].

В 1980 г. японским исследователем В. Азава было обнаружено, что некоторые предметы из боровского погребения являются частью ножен клинка близкого по типу к найденному ранее в Корее в гробнице сер. I тыс. в Керим-до. Наиболее близкую форму имели прямоугольная и трапециевидная обкладки устья ножен и фигурная скоба для крепления ножен к поясу. Опираясь на это сходство исследователи, использовали и другие находки из Борового (медальоны – бляхи) и предложили полную реконструкцию ножен казахстанского кинжала [7, с. 124]. Несколько позже советский исследователь А.К. Амброз предложил свой вариант [15, с. 130; Рис. 44]. Наиболее полная реконструкция была предложена И.П. Засецкой на основе имеющихся материалов с привлечением дополнительных данных из фотоархива ИИМК [7, с. 124-125; Рис. 26-29; 16, с. 86-89; Рис. 31-23].

В декоре ножен боровского клинка использованы вставки из граната в напаянных гнездах, в дополнение к этому имеются так же ободки из филигранной проволоки. Основными мотивами орнамента на ножнах из Борового выступают изображения лотоса и Я-образных фигур [7, с. 124-125; Рис. 26-29; 16, с. 86-89; Рис. 31-23].

Боровское погребение датировано А.Н. Берштамом IV – V вв. [11, с. 216-229]. Неоднократно обращавшая свое внимание на боровской памятник И.П. Засецкая на основе тщательного анализа инвентаря всего комплекса поднимает

**3rd International Conference
«Research, Innovation and Education» 2016**

датировку памятника до конца V – начала VI вв. [7, с. 36-39, 123-126; 16].

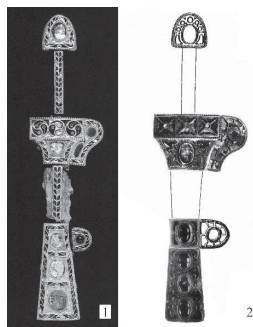

Рисунок 1. 1. Клинок обнаруженный в Керим-ло (Корея); 2. Реконструкция клинка из Борового (на основании модели И.П. Засецкой)

Вторая находка, погребение в гробнице 14 на Керим-ло относится к группе элитных погребальных комплексов государства Силла, обнаруженных в 1973 году в городе Кенчжу. Памятник был датирован периодом Трех государств, а погребения на участке связаны с правителями этого хронологического отрезка. Сама гробница, так же как и боровская была обнаружена в восточной части участка с погребениями случайно, при прокладке дороги. Погребальная конструкция имела не большой размер, в деревянном гробу были обнаружены останки двух человек. У пояса погребенного лежавшего с лева исследователи обнаружили кинжал в богато декорированных ножнах, техника и манера украшений в полихромном стиле показывали исследователям западное культурное влияние [10, с.114-115; 17].

Корейские ножны орнаментированы ободками и треугольниками из зерни, в основном использована техника перегородчатой инкрустации из фигурных агатов со срезанной поверхностью. Декор включает бордюры из волнообразных линий и композиции из вихревых спиралей, что характерно для ювелирных изделий мерovingского времени (V-VI вв.) [16, с. 86-89; Рис. 31-23].

**3rd International Conference
«Research, Innovation and Education» 2016**

Японские исследователи датировали корейское погребение VI в., по хронологической классификации исследователя Акио-Ито, стадией С (520-600 гг.). В последующем японские исследователи учитывая наличие в комплексе предметов, которые продолжают бытовать в следующей стадии Д (от 600 г.) приходят к выводу, что комплекс может быть датирован временем не ранее середины VI века [16, с. 89].

Третьим регионом, где зафиксированы изображения клинков данного типа, является современная Средняя Азия и Восточный Туркестан, в разные периоды обладавшие общими культурными признаками.

На фресках Афрасиаба они присутствуют на изображениях мужчин в золотых или позолоченных ножнах носимых спереди. Ножны сужающиеся к середине и расширяющиеся по краям в верхней части имеют несколько разных типов скоб. К скобам с пояса спущены ремешки. Навершия кинжалов представлены серией типов, близкие к боровскому и корейскому известны на фрагменте росписи с южной стены, у пояса верхнего всадника [18, Табл. XXX]. Росписи Пянджикента демонстрируют еще несколько образцов подобных клинков – у игрока в нарды на западной стене помещения 13, у воинов сидящих вереницей под балдахинами на фреске в помещении 1 объекта VI [19, Таблица VIII, XIV]. Далее на восток они встречаются на одной из фресок в «пещере Майя» близ Кучи, у центрального воина в многофигурной композиции [20, Рис. 20]. Датироваться изображения в несколько более широких хронологических рамках VI-VIII вв. Однако судя по устойчивости традиции их изображения, можно предположить, что мода на подобные клинки появилась несколько ранее.

Результаты и обсуждение.

Очевидно, что данные факты свидетельствуют о существовании моды на клинки обозначенного выше типа, центром распространения без сомнения является территория Средней Азии, где зафиксированы их разнообразные подтипы. Важными представляются вопросы, каким образом данные клинки попали в Северный Казахстан и на Корейском полуострове.

Для боровского комплекса ситуация реконструируется нами следующим образом. В V-VI вв. на территории степной Евразии расселяются многочисленные кочевые племена объединяемые под именем огуров [21, с. 38-55]. В 460-е г. несколько их группировок (сарагуры, оногуры, уроги) проникли

**3rd International Conference
«Research, Innovation and Education» 2016**

в Северное Причерноморье и подчинили своей власти постгунские племена. Другая группировка известная в китайских источниках, как гаочэ, в 487 г. под руководством вождя Афучжило из рода фуоло и его двоюродного брата и соправителя Цюнци, заняла территорию между Монгольским Алтаем и Восточным Тянь-Шанем и прилегающие к ней горные районы. Гаочэ подчинили своей власти важный участок Великого шелкового пути осуществляя контроль над районом оз. Баркуль и оазисом Хами [21, с. 38-55]. Данное объединение было тесно интегрировано в международную политику середины I тыс. до н.э., известны их взаимоотношения с государствами Тоба, жужаней, эфталитов. В перечне наибольший интерес вызывают эфталиты, так как именно они в V-VI вв. контролировали территорию Согда, и уже к 479 г. подчинили Карашар, подступив к оазису Хами, таким образом поставив под контроль весь Таримский бассейн. Вскоре обнаружилось противоречия между гаочэ и эфталитами, в результате конфликта Цюнци был устранин, а его сын Миэту попал в плен. Захват центральной ставки осуществился после гибели Афучжило в результате мятежа. Правителем был поставлен Миэту, который вступил в противоборство с основными противниками гаочэ в регионе жужанями. В последовавших столкновениях с жужанями он сначала проиграл и был вынужден откочевать на запад, однако при поддержке вэйского императора смог разбить кагана жужаней Футу. В 508 году следующий каган жужаней Чоуну разбивает гаочэ и казнит Миэту. Именно тогда основная часть гаочэ уходит к эфталитам. И только спустя несколько лет в 516 году с помощью эфталитов младший брат Миэту Ифу возвращает владения в Джунгарии назад. Дальнейшие историко-политические перипетии связаны с противостоянием гаочэ и жужаней, закончившиеся только с установлением власти тюркских каганов [21, с. 38-55]. Для нас интересен период, когда часть гаочэ (огуров) ушла в подданство эфталитов. Учитывая географическую характеристику региона и историко-этнографические параллели, очевидно, что подчиняясь хозяйственному типу господствовавшему в регионе [22], данная группа кочевников проводила зимний период непосредственно в среднеазиатской зоне контролируемой эфталитами, а на лето уходила на территорию Центрального и Северного Казахстана. В этом случае вполне вероятно, что выше описанные историко-политические события и послужили причиной появления боровского памятника, т.е. знатный кочевник огурского происхождения был участником сложных и драматических отношений огуров, эфталитов и жужаней в

**3rd International Conference
«Research, Innovation and Education» 2016**

середине I тыс. Тесная связь с эфталитами может объяснить и другие среднеазиатские параллели в погребальном инвентаре. Так аналогии бронзовому котлу известны только на территории Средней Азии [23, с.75-88]. Бляшки из сердолика использовавшиеся в украшении конской узды и др. в Боровом практически идентичны обнаруженным в комплексе Шамси (V-VI вв.) на территории Кыргызстана [16, с. 75-82]. Уникальная рифленая пряжка из сердолика обнаруженная в боровском комплексе имеет аналог в виде пряжки из белого халцедона, находящейся в коллекции музея Эшмола в Оксфорде и относится к предметам сасанидского круга [24, с. 193-194].

Находка второго клинка показывает связь Средней Азии с царством Силла. В этот период у власти утвердился сильная династия марипкана (титул правителя) Чиджына (500–514 гг.). Уже при его наследнике Попхыне (514–540 гг.) устанавливаются дипломатические отношения с династией Лян. При Чинхыне (540–576 гг.) мощь Силла на полуострове возрастает, в это время налажены дипломатические связи государством Северное Ци. Силла активно противодействуют военной экспансии Когурё, оказывает серьезное давление на государство Пэкчэ. К 594 году правители Силлы входят в союз с династией Суй, а в дальнейшем с Танской империей. К концу VI в. Силла играют важную роль в регионе, во многом определяя культурный облик населения этой части полуострова [25, 24–31]. Так же известно, что VI-VIII вв. это время расцвета согдийской ойкумены. Начало активного освоения согдийцами территорий лежавших по трассам Великого шелкового пути датируется около III в. В V-VI вв. это приводит к тому, что культурное-религиозное и экономическое влияние выходцев из Согда охватило практически всю городскую жизнь Синьцзяна, достигло Северного Китая и Дальнего Востока, некоторое их влияние ощущается в Северной Евразии и Восточной Европе [18, с. 151; 26, с. 78-80]. Свидетельством пребывания согдийцев на территории близко расположенной к корейскому полуострову в VI веке служит ряд находок – рельефы погребального ложа знатного согдийца из Аньяна (Северная Ци – 550-577 гг.); обнаруженная в Сиани могила выходца из Бухары, умершего в 579 г.; склеп с рельефами в могиле выходца из государства Юй, обнаруженный в Таюане (Шанси) и датируемый 592 г. (судя по данным покойный умерший в возрасте 59 лет, служил государям жужуаней, Ирана, тюрков и трех китайский династий: Северная Ци, Северная Чжоу и Суй) [27, с. 43-48]. Относительно непосредственных контактов выходцев из Кореи со Средней Азией, то фактом этого служит

**3rd International Conference
«Research, Innovation and Education» 2016**

изображение двух послов соседнего с Силла государства Когурё на фреске из Афрасиаба [28]. Можно предположить, что клинок попал в руки силланской аристократии в результате контактов с согдийцами, посредством связей с правителями северокитайских царств или тюркских племен занявших к этому времени основную часть степных участков великого шелкового пути и разгромивших огузов и эфталитов.

Судя по богатству ювелирной отделки и редкости находок подобного типа они вряд ли служили предметами торга и могли быть специфическими инвестиционными инсигниями, дарами владыкам соседних или отделенных народов. От эфталитов или согдийской аристократии находившейся в орбите эфталитского влияния.

Выводы.

Прямых данных об особом статусе клинка и пояса у казахстанских кочевников середины I тыс. естественно нет, однако более поздний фольклор, данные по этнографии кочевников и археологический материал позволяют утверждать его существование [29].

Корейские источники позволяют говорить более уверенно, о том, что кинжал в дорогих ножнах, как часть костюма, был своеобразной инсигнией власти. Согласно летописи «Самук саги» в 514-540 гг. в Силла было установлено три типа одежды (для мужчин и женщин): парадная, повседневная, и «варварская». Две первые группы, вероятно включали в себя одежду китайского типа, которая была завезена из Китая в 541-543 гг., а в третью — местную. В 548 г. царь Силла заявил: «Люди бывают знатные и незнатные, высшие и низшие, их обычаи неодинаковы и одежда неодинакова: у простолюдинов — скудная и плохая, у богатых — обильная и роскошная». Специальным указом сословное различие в одежде было закреплено, а каждому рангу присвоена своя «форма». Интерес представляет пояс аристократии, он был собранный из ажурных квадратных пластинок с сердцевидными подвесками из золота или из серебра или из обоих этих металлов вместе. К поясу прикреплялись цепочки с шариками, бубенцами и пр. [30, с.119-121; 31, цзюань 33, с. 318-321]. Статистический анализ предметов из погребальных комплексов в Кёнчжу позволяет говорить о далеко зашедшей имущественной дифференциации силланского общества. При этом погребение №14 с клинком согласно исследователю М.В. Воробьеву принадлежит т.н. «знати среднего ранга» [30, с.119-121].

О традиции ношения в домусульманский период, специальных золотых поясов как признаков сословной

**3rd International Conference
«Research, Innovation and Education» 2016**

принадлежности среднеазиатской знати говорят несколько источников. В рассказе о прибытии Кутебы в 712 г. в Самарканд повествуется о том, как гулямы Гурека сына ихшида были опоясаны золотыми поясами инкрустированными драгоценными камнями. Табари описывая осаду Самарканда приводит данные о победе над знатными молодыми витязями из Шаша. В результате этого в руки арабов попала превосходное оружие, дорогие одежды, золотые пояса и кони. Он же в эпизоде о восстании согдийцев в 721 г. говорит, что из Байарката и Сабаската прибыли тысяч человек, на которых были золотые пояса. Именно они изображены на фресках в Афрасиабе. Известны данные о золотых поясах у почетной стражи правительницы Бухары Хатун [32, с. 213-218; 33, с. 78-91].

Мы приходим к выводу, что в азиатской части Великого шелкового пути в V-VI вв. появляется мода возникшая на территории Средней Азии на поясные клинки специфического типа. Данные клинки маркировали высокий статус владельца, в случае с кочевниками они связаны с военной элитой, на Дальнем Востоке с чиновниками и аристократией. Это демонстрирует сходство культурно-исторических процессов в Европе и Азии, в данном случае на примере памятников рубежа поздней античности и раннего средневековья.

References:

- [1] Mastykova A.B. «Princely» mode era of the Great Migration and the North Caucasian female costume // RA. – 2008. – № 3. – pp. 26-34.
- [2] Wolfram H. Goths. From its origins to the middle of the VI century (Experience of historical ethnography). Trans. with it. B.P. Milovidov, M.Y. Nekrasov / Ed. M.B. Shchukin, N.A. Bondarko and P.V. Shuvalov. – SPb.: Juventa, 2003. – 656 p.
- [3] Shchukin M.B. Gothic way. Goths, Rome and Chernyakhov culture. – SPb.: St. Petersburg State University Faculty of Philology, 2005. – 590 p.
- [4] Gregory of Tours. History of the Franks. Trans. to lat., n. V.D. Savukovoy. Ans. Ed. M.L. Gasparov. – M.: Nauka, 1987. – 474 p.
- [5] Jordan. The origin and deeds of the Goths. Getica. / Introduction, Translation, Commentary Skrzhinskiy E.Ch. – M.: Publishing house of oriental literature, 1960. – 436 p.
- [6] Tejral J. Mähren im 5. Jahrhundert: die Stellung des Grabes XXXII aus Smolin im Rahmen der donauländischen

**3rd International Conference
«Research, Innovation and Education» 2016**

- Entwicklung zu Beginn der Völkerwanderungszeit. – Praha: Academia, 1973. – 88 p.
- [7] Zasetzkaya I.P. The culture of the nomads in the southern Russian steppes Hun era (end of IV-V centuries.). – SPb.: 1994. – 224 p.
- [8] Levina L.M. Ethno-cultural history of the Eastern Aral Sea region. I millennium BC – I millennium AD. – M.: 1996. – 396 p.
- [9] Alkin S.V. Collection of Mound House in the North Tien-Shan: Materials for the Study of Hun-Sarmatian time in East Turkestan // *Altai-Sayan mountain country and the neighboring territory in ancient times.* – Novosibirsk: 2007. – pp. 91-100.
- [10] Wind in the Pines... 5000 years of Korean Art. – SPb.: Publishing House of the State Hermitage, 2010. – 304 p.
- [11] Bernshtam A.N. The finds near the lake Borovoye in Kazakhstan // *SMAE, Volume XIII.* – M.: 1951. – pp. 216-229.
- [12] Lentovsky M.N. The monuments of ancient culture in the southern half of the Petropavlovsk District Kazak Soviet Socialist Republic (inventory work). – Kokshetau: 1929. – 16 p.
- [13] Spasskaya E.O. The finds copper boilers of early nomads of Kazakhstan and Kyrgyzstan // *Uch. Rec. Almaty State. ped. Inst them. Abay. Ser. society's politi.* – T. XV (3). – Vol. 2. – Alma-Ata, 1958. – pp. 184-185.
- [14] Yarygin S.A. On the question of the bronze cauldron from the burial in the Hog // *Hun forum. Problems of origin and the identification of Eurasian culture of the Huns: Sat. scientific. tr. / Ch. Ed.: S.G. Botalov, holes. Ed.: N. Kradin, I.E. Liubcha.* – Chelyabinsk Izdat. Centre SUSU, 2013. – pp. 441-446.
- [15] Ambroz A.K. Chronology of the antiquities of the North Caucasus V-VII centuries. – M.: 1989. – 134 p.
- [16] Zasetzkaya I.P., Kazansky M.M. Akhmedov I.R., Minasyan R.S. Marine Chulek. Burials of the nobility of the Azov Sea and their place in the history of tribes in the Northern Black Sea in the era after the Hun. – SPb.: Publishing House of the State. Hermitage, 2007. – 212 p.
- [17] Gyeongju National Museum. Ornamental Dagger Sheath. Источник:
<http://gyeongju.museum.go.kr/html/en/master/master_01.html?GotoPage=2&gubun=&pageSize=10> (02.05.2014).

**3rd International Conference
«Research, Innovation and Education» 2016**

- [18]Albaum L.I. Painting Afrasiab. – Tashkent: FAN Publishing House of the Uzbek SSR, 1975. – 113 p.
- [19]Belenitski A.M. New monuments of ancient art Pyanjikent. Experience iconographic interpretation // Sculptures and painting of the ancient Pyanjikent. – M.: 1959. – pp. 11-87.
- [20]Dyakonov M.M. Pendjikent paintings and paintings Middle Asia // Pyanjikent ancient arts. – M.: 1954. – pp. 83-159.
- [21]Klyashtorny S.G. Savinov D.G. Empire of ancient Eurasian Steppe. – SPb.: 2005. – 346 p.
- [22]Tairov A.D. Nomads Ural-Kazakhstan steppes in the VII-VI centuries. BC. Monograph. – Chelyabinsk: South Ural State University Publishing House, 2007. – 274 p.
- [23]Demidenko S.V. Boilers type «Takht-Sangin – Barmashino»: the problem of the interpenetration of metalworking traditions in Central Asia // RA. – 2004. – №4. – pp. 75-88.
- [24]Kazansky M.M. Buckles early Sasanian tradition in Northern Eurasia // prehistoric archeology. Man and the arts. Collection of the 70th anniversary of YA Cher. – Novosibirsk, 2002. – pp. 193-197.
- [25]Han V.S. History of Korea. – Tashkent: «Baktria press», 2013. – 128 p.
- [26]Marshak B.I., Raspopov V.I. The Sogdians in the Seven Rivers // Art and Culture of Kyrgyzstan. TDK. Vol. 1 – Leningrad: 1983. – pp. 78-80.
- [27]Marshak B.I. Sogdians in China and Chinese in the Sogd (of works of art) // Division East for 80 years. – SPb.: Publishing House of the State Hermitage, 2000. – pp. 43-48.
- [28]Yatsenko S.A. The Costume of Foreign Embassies and Inhabitants of Samarkand on Wall Painting of the seventh c. in the "Hall of Ambassadors" from Afrasiab as a Historical Source//Transoxiana. Numero 8. Roma, 2004. Источник: <www.transoxiana.org/0108/yatsenko-afrasiab_costume.html>, (08.05.2015).
- [29]Dobzhansky V.N. Matched belts Asian nomads. – Novosibirsk: NSU, 1990. – 164 p.
- [30]Vorobiev M.V. Ancient Korea (historical and archaeological survey). – M.: Publishing Oriental literature, 1961. – 194 p.
- [31]Kim Busik. Samguk (Samkuk) saga. Annals of Silla. Book 1 Series Monuments of literature peoples of the East. Texts. A large series. The publication of the text, translation to enter, articles and comments. MN Pak. – M.: Nauka. Eastern Literature, 1959. – 202 p.

**3rd International Conference
«Research, Innovation and Education» 2016**

- [32] Belenitski A.M., Raspopova V. Sogdian «golden belt» // START. – 1980 – Vol. XXII. – pp. 213-218.
[33] Raspopova V.I. Belt set Sogd VII-VIII centuries // SA. – 1965. – №4. – pp. 78-91.